

Борис Степанов

Как сделан *Господин Гексоген*: литературная конструкция идеологического радикализма и ее рецепция¹

Потребность в более рафинированных инструментах социальной критики, продиктованная усложнением культуры современного общества, инспирировала возникновение различных техник анализа идеологий. Эти техники объединяла презумпция опосредованной взаимосвязи между текстами и социальными отношениями, политическими пристрастиями и культурными формами. На основе признания воображаемого характера установления общества, роли массовых коммуникаций и повседневности измерения политики и культуры сформировалось новое пространство рефлексии об идеологии, ориентированное на характеристику неоднозначных взаимосвязей между «политикой» и «культурой» и культурных ресурсов, задействованных в различных проектах установления политической конституции общества. К сожалению надо признать, что количество, а, главное, - степень специализированности этих исследований в российском гуманитарном знании пока что несопоставима с масштабами и интенсивностью идеологического поиска.

В порядке разворачивания такого рода работы мы обращаемся к весьма репрезентативному случаю, связанному с публикацией романа А. Проханова *Господин Гексоген*. Последний стал не только заметным событием в кругу литературы патриотического толка, но и ознаменовал своим появлением и последовавшей за ним дискуссией смену литературно-политических диспозиций в российской культуре начала 2000-х годов. Поэтому предметом нашего исследования будут не только присутствующие в тексте идеологические высказывания и репрезентация в нем политики, но и соотношение его идеологического послания с жанром романа и используемыми автором литературными приемами, а также спровоцированные публикацией дискуссии о границах литературы и отношении ее к политике, масс-медиа, эстетические диспозиции, такие как «массовое» - «элитарное», «тривиальное» - «новаторское», «классическое» - «конъюнктурное» и т.д., обозначившие новую конфигурацию взаимоотношений литературы и политики в российской культуре.

Случай *Господина Гексогена* интересен не только потому, что это произведение ангажированного литератора и даже не только потому, что изображение российской политики занимает в нем значительное место. Публикация этого романа

---

¹ Первая версия данного текст была опубликована в журнале *Полития* (2008. №3[50]). В данном издании публикуется с изменениями и дополнениями.

стала поворотной точкой в карьере Проханова, превратившегося сегодня в весьма заметную медиаперсону и входящего в литературно-политический истеблишмент. Вкратце история этого успеха такова. Этот написанный в 2001 году роман одного из ведущих писателей-патриотов неожиданно не был принят к публикации редакцией *Нашего современника*. После этого он выходит в газетном варианте как приложение к газетам *Завтра* и *Советская Россия* тиражом в 100 000 экземпляров, а через год роман был выпущен в новой редакции издательством «Ad Marginem», специализировавшемся до этого на издании интеллектуальной литературы. При этом на обложке книги, принадлежащей перу одного из лидеров патриотического движения, красовался череп вождя мирового пролетариата. В бурную полемику по поводу романа и контекста его публикации оказались вовлечены не только писатели и журналисты разных идеологических и эстетических ориентаций, но и самые разные издания от специализированных (таких, как газета *День литературы* или журналы *Знамя* и *Москва*) до неспециализированных (таких как *Коммерсант* или *Playboy*). Итогом этой полемики стало получение романом Проханова в 2002 году премии «Национальный бестселлер». В 2000-х годах произведения Проханова как новые, так и переиздаваемые укореняются на литературном рынке. Их издают не только претендующие на альтернативность издательства вроде «Ad Marginem» или «Ультракультуры», но и такие лидеры российского книгоиздания как «Эксмо», которое выпускает специально созданную «под Проханова» серию «Последний солдат империи». Знаковым моментом стало появление в 2007 году многостраничной биографии писателя, написанной глянцевым критиком Л. Данилкиным. Бурная активность Проханова как журналиста и политического эксперта принесла ему и официальное признание: презентация книги Проханова проходила в Фонде Российской культуры, а в феврале 2008 года в газете *Завтра* было опубликовано поздравление Проханова с 70-летним юбилеем, адресованное ему В.В. Путиным².

Скандалный характер всем этим проявлениям публичного признания автора *Господина Гексогена* придает обилие в его книгах и выступлениях неполиткорректных (ксенофобских, антисемитских и проч.) высказываний, которые тем самым приобретают характер привычных и нормальных³. Не умаляя правомерно-

---

² О связях Проханова с Владиславом Сурковым и отражении этого в романе *Теплоход «Иосиф Бродский»* см. Кукулин И. Реакция диссоциации: легитимация ультраправого дискурса в современной российской литературе / Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 336-338

³ См.: Кукулин И. Реакция диссоциации: легитимация ультраправого дискурса в современной российской литературе / Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 257-338; Тимофеева О. Русский Рай, или Родина-мать, роди меня обратно! Сравнительный анализ образов Родины и ее сыновей в романах Александра Проханова *Господин Гексоген* и *Политолог* / Русский национализм. С. 339-368. При этом, по мнению исследователей, с вхождением в истеблишмент градус прохановского антисемитизма значительно понизился. Противоположную точку зрения высказывает С.Беляков. См.: Беляков С. Этюд в красно-коричневых тонах. Александр Проханов // Вопросы литературы. 2009. №5. <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/5/be4.html>.

сти этой точки зрения, мы, тем не менее, не хотели бы сосредотачиваться на антисемитизме как таковом, поскольку его, на наш взгляд, вряд ли можно рассматривать в качестве последовательной идеологической позиции⁴ и сводить к нему политическое послание романа. Собственно ведь и бурная реакция критики на публикацию романа и затем на вручение ему премии была связана с попыткой ряда критиков представить его как значительное явление в литературе и в культуре в целом. Спор о том, заслуживает ли сочинение Проханова называться литературой, делает его уже не только политическим романом, но и событием в сфере «политики литературы». Это побуждает к более систематической характеристике романа Проханова как литературной формы идеологического поиска, к анализу того, как и в какой системе координат роман оценивается представителями различных интерпретативных сообществ. Используя методы социологии литературы, мы хотели бы дополнить и в отдельных моментах скорректировать те выводы, которые были сделаны в работах, посвященных психоаналитической и литературоведческой критике романа Проханова⁵.

Провокационность *Господина Гексогена*, как уже было сказано, была обусловлена не только бросающейся в глаза неполиткорректностью, но также и отношением романа к текущей политической ситуации, которая, по мнению некоторых критиков, весьма симптоматична обстоятельствами его продвижения в литературном поле. Роман Проханова имеет отчетливую документальную канву, отсылающую к событиям конца ельцинского правления и прихода к власти Путина⁶. При этом литературная ткань романа полна разного рода гротескных образов и эпизодов, придающих изображаемым событиям фантазмагорический характер. Противоречивым оказывается и образ спецслужб, деятельностью которых в конечном итоге определяется ход политического процесса. Если в начале романа бывшие сотрудники КГБ, а ныне участники проекта «Суахили» представлены ратателями реставрации СССР, что соответствует читательским ожиданиям (по крайней мере - в отношении симпатий Проханова), то в конце они разоблачаются как агенты Нового Мирового Порядка, установление которого имеет к тому же еще и религиозный, мистический смысл. Критический пафос романа как будто бы направлен против борющихся за влияние на Ельцина олигархов, среди которых выделяются Зарецкий и Астрос (соответственно – Березовский и Гусинский), и клубящегося вокруг них медиабомонда. Однако и то, что кульминацион-

---

⁴ В этой связи нельзя не принять во внимание то, что Проханов выступает поборником имперской идеи, которую сложно последовательно сочетать с антисемитизмом.

⁵ Помимо упомянутых выше работ И. Кукулина и О. Тимофеевой следует упомянуть также следующие статьи: Туркина О., Мазин В. Гексоген господина Проханова // Критическая масса. 2002. №1. С. 26-30; Рыклин М. Структура травмы / Рыклин М. Время диагноза М., 2003. С. 296-287; Романова О. Проханов и пустота. <http://www.polit.ru/culture/2006/11/02/prohanov.html>

⁶ Показательно, что другие псевдодокументальные произведения, такие, например, как *Русское солнце* А. Караулова (М., 2001) такого успеха не имели. Зато по следам успеха *Господина Гексогена* издательство «Ad Marginem» выпускает книги Е. Трегубовой, посвященные кремлевскому закулисью.

ное событие – взрывы домов в Москве и Волгодонске – объясняются в романе деятельностью спецслужб, и промоушен, сделанный роману *Независимой газетой*, создали почву для предположений о том, что за «раскруткой» романа стоял Березовский⁷. С другой стороны, некоторые эксперты были склонны рассматривать *Господин Гексоген* только лишь как сконструированный в расчете на литературный скандал проект группы критиков⁸. Мы, однако, не будем следовать философии романа и искать в его истории закулисные интриги, но попробуем проанализировать специфическую литературность этого текста и, в первую очередь, выявить его жанровую принадлежность.

В основе «патриотического романа» Проханова лежит одна из доминировавших в 90-е годы формул массовой литературы – формула романа-боевика с характерными для нее мотивами деятельности спецслужб, миссий и тайных агентов, получающая, однако, специфическую трактовку. В принципе восприятие романа-боевика, как отмечает Б.В. Дубин, определяется тем, что в нем разыгрывается «антропология индивидуальной инициативы и персональной ответственности». Механизм читательской идентификации основан на том, что, будучи автономным, выключенным из любых навязанных ему отношений и находясь в условиях неопределенности и угрозы, герой подобной истории осуществляет поиск смысла индивидуального существования в форме «испытующего действия»⁹. Однако, роль протагониста *Господина Гексогена* Виктора Андреевича Белосельцева, имеющего явные «задатки» героя боевика (бывший разведчик, отставной генерал КГБ), оказывается совершенно противоположной. Будучи поборником социальной справедливости и находясь в центре событий, он оказывается всегда на острие *чужого* действия¹⁰, выступает в качестве орудия реализации чужих планов. Призванный к участию – во имя устранения компрадорского политического режима – в проекте «Суахили», Белосельцев уже в процессе исполнения первой «операции», осознает этическую сомнительность деятельности его соратников. И, тем не менее, каждый раз не может отказаться от выполнения очередного задания – даже после взрывов домов в Москве («Операция Гексоген»), подстроенных главным координатором «проекта Суахили» Гречишниковым. Сцена взрыва, представляющая собой традиционную для жанра боевика кульминацию сюжета – решающий поединок героя и его главного противника – оказывается и кульми-

⁷ Золотоносов М. Операция «Проханов» // Московские новости. 22.04.2002. <http://www.geksogen.ru/r105.html>; Чупринин С. После драки. Урок прикладной конспирологии // Знамя. 2002. №10. <http://magazines.russ.ru/znamia/2002/10/chupr.html>. Ср., однако, выступление А. Проханова и В. Чикина против книги Литвиненко и Фельштинского, излагающих версию о причастности ФСБ к взрывам в Москве и Волгодонске. Проханов А., Чикин В. Опасен яд молчания: от патриотического информбюро // Завтра. 2001. №36. <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/01/405/11.html>.

⁸ Подробнее об отношениях Проханова с Березовским и с издательством «Ad Marginem» см.: Данилкин Л. Человек с яйцом: жизнь и мнения Александра Проханова М., 2007. С. 574-579.

⁹ Дубин Б. Испытание на состоятельность к социологической поэтике русского романа боевика / Дубин Б. Слово-письмо-литература. М., 2001. С. 220-221.

¹⁰ Ср. об этом Тимофеева О. Русский Рай. С. 349-354.

нацией бессилия первого героя: ему, привязанному к железной трубе на крыше дома в Печатниках, отводится роль пассивного свидетеля Апокалипсиса. «Я оставлю тебя здесь и уйду.» – говорит ему Гречишников – «...С этого момента ты не Виктор Андреевич Белосельцев в Печатниках, а Иоанн Богослов на острове Патмос»¹¹. Но самое замечательное, что через некоторое время после этих событий Гречишников сотоварищи как ни в чем не бывало находят только-только оправившегося Белосельцева, и он – хотя и не без некоторых, но проговариваемых «про себя» lamentаций – покорно следует за ними для участия в реализации очередного этапа проекта. Характерная особенность «ГГ» заключается в том, что события не побуждают героя к автономному действию и отстаиванию собственного решения, впрочем, не подводя к осознанию принципиальной невозможности действия¹². Как указывает Дубин, «триумф героя – вопрос его самообладания, владения собой, предельного и неукоснительного следования своей идентичности, своему предназначению героя; «техника» же – от спецаппаратов и сверхоружия до мускулатуры и борцовского мастерства – лишь символически обозначает эту глубину самоконцентрации, полноту погружения в себя и высвобождения собственной «природы». А вот двойное естество противников протагониста... ни от него, ни, соответственно, от смотрящих его глазами читателей не скрыто»¹³. Неспособность Белосельцева определить для себя ситуацию выражается в его неспособности к самоконтролю: он грезит, предается сентиментальным воспоминаниям и по ходу действия неоднократно теряет сознание. Функционально необходимые для протагониста подобного повествования контактность и внешняя открытость переживаются Белосельцевым совершенно параноидально: его периодически посещает мания преследования. В результате средоточием усилий героя оказывается сохранение некой «внутренней капсулы», в которой как бы материализуется его бесценный «духовный опыт». «Еще недавно он был в полусне, усыплен злыми чарами, с изъятым сердцем, с извлеченной душой, с лопнувшим пропавшим пузырьком сокровенного света. И вдруг из каких-то глубин, из-под черного асфальта и пепла в нем пробился сочный росток жизни, всплыл крохотный огненный пузырек...Он снова жил, снова думал и действовал. Был по-прежнему один, внедрен глубоко в тыл врага, без связи с Центром. Но война его продолжалась. Он не мог предсказать, когда, при стечении каких обстоятельств "Проект Суахили" рухнет. Но крах его был предрешен. Проект обладал колоссальной мощностью. На него работали разведки мира, его питали мировые богатства, ему служили самые сильные и дерзкие умы человечества. Но Белосельцев, оди-

¹¹ Проханов А. Господин Гексоген. М., 2002. С. 433.

¹² В первой - газетной - версии роман заканчивался крещением Белосельцева, однако, конец, появившийся во второй редакции, придает произведению стилистическую завершенность. Таким образом, поступки совершают второстепенные персонажи – народный пророк Николай Николаевич, совершающий самоожжение на Красной площади, и его дочь Вероника, которая уходит из проституток на Чеченскую войну медсестрой.

¹³ См. Дубин Б. Испытание на состоятельность. С. 229-230

нокий и слабый, замурованный в толщу проекта, опекаемый зоркими стражами, под неусыпным контролем врагов, предчувствовал крах "Суахили". Он, Белосельцев, и был тем пределом, за который не шагнет "Суахили". Остановится беспомощно перед пузырьком света, что, подобно светлячку, витает в душе. В нем заключалось бессмертие, божественная красота, возможность небывалого чуда. Обращение времени вспять. Спасение любимых и близких»¹⁴.

Таким образом, несмотря на все декларации об опыте разведчика, концентрация внимания героя и его рефлексия не выступают для читателя источником понимания происходящего¹⁵. Сочетание документальности сюжета и неспособности главного героя к поступку придает действию элемент обесмысливающего повтора.

Белосельцев по ходу действия не столько говорит, сколько слушает и переживает. Благодаря тому, что ему рассказывают посвященные в суть происходящего участники проекта «Суахили», мы узнаем о тайных пружинах,двигающих развитием истории. Это знание задает изначальное недоверие к политической сцене, которая показана в романе как абсолютно циничная, порождающая разного рода эксцессы и совершенно не оставляющая возможности для какой-либо позитивной самореализации. Важнейшим структурообразующим элементом ее репрезентации оказываются массмедиа: перед нами проходят образы медиаперсон, которые если и прямо не называются, то появляются под говорящими псевдонимами, использование которых можно счесть своего рода заговором с читателем – «Мэр», «Дочь», «Премьер», «Прокурор» и т.д.) или получают узнаваемую характеристику. Однако это не просто отчужденная от зрителя «телевизионная политика» церемоний и банкетов. Присутствием Белосельцева ей придана специфическая пронцаемость, близкая к откровенности «реалити-шоу»¹⁶. «Белосельцев испытывал мучительное изумление, большое непонимание: почему его привели в этот зал и сделали свидетелем сокровенной встречи? Ему, чужаку, показали закулисную сторону власти, куда не проникал посторонний глаз. Дали подсмотреть придворную сцену, один лишь кадр из которой стоил целого состояния»¹⁷. Участники этого шоу постоянно заняты публичным проговариванием своих злых намерений¹⁸, которые, таким образом, вполне соответствуют тому, что вменяется им патриотическими изданиями и, в частности, самим Прохановым в передовицах

¹⁴ Проханов А. Господин Гексоген. С. 465-467. Интересно то, что о значимости духовного опыта Белосельцева читателю постоянно напоминает не кто иной, как Гречишников.

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ О жанре реалити-шоу, которые, кстати, появились на российском экране в том же 2001 г., см. Зверева В.В. «Все как в жизни»: реальные шоу на российском ТВ / Объять обыкновенное: повседневность как текст по-американски и по-русски. М., 2004. С. 181-190. Больше всего сходства прохановские описания имеют с приснопамятным шоу *Окна*.

¹⁷ Ср. Проханов А. Господин Гексоген. С. 68.

¹⁸ См. об этом: Рыклин М. Структура травмы / Рыклин М. Время диагноза. М., 2003. С. 296-287

газеты *Завтра*¹⁹. Именно так, например, подробно и со вкусом описывает разорение страны, произведенное понятными для читателя «ими», в длинной речи на приеме в Кремле олигарх Зарецкий: «Мы отняли у народа его страну, он отдал нам ее без боя, и мы разломали ее на части, как плитку шоколада, поглощаем по частям эти сладкие ломтики. Мы отобрали у рабочих и инженеров великолепные заводы, где они изготавливали атомные реакторы и космические корабли, заставили производить их пластмассовые бутылки из-под пепси-колы и т.д.»²⁰. Вместе с тем для восприятия речи читателем очень важен *взгляд* главного героя, который замыкает ее на себе и определяет гротескность ее изображения. Описания медиаперсон, даваемые через точку зрения Белосельцева, полны зооморфных метафор, разного рода телесных мутаций и эксцессов²¹. При этом у Проханова очень часто происходит реализация метафоры, т.е. она теряет условный характер и употребляется в буквальном значении: «Зарецкий стал терять очертания, лишился формы и цвета, растекался, словно студень, колебался как огромная плавающая медуза»²². «Когда отец был здоров и в силе, они ползали перед ним, целовали его ночную туфлю. Помню, Мэр приехал поздравить папу под новый год. У нас гостила племянница совсем малютка... Мэр опустил на колени стал изображать собаку, лаял, хватал папу зубами за брюки... Отец, вы знаете его шуточки, желая повеселить девчущку, кинул Мэру на пол говяжью кость, и тот, чтобы вы думали, схватил ее и по-собачьи стал грызть!...». Таким образом, «ясновидящий» взгляд Белосельцева оказывается своего рода проектором метафор, приобретающих характер реальности. Особенно характерна в этом смысле сцена разговора с Гречишниковым на Воробьевых горах, где последний открывает Белосельцеву глаза на происходящее. Внимая Гречишникову, Белосельцев глядит на Москву: «Белосельцев смотрел на Москву, на ее розово-белые, телесные тона, в которых улавливалось дыхание жизни. Среди белесых туманов и бегущих голубых теней тонко сияла останкинская игла, отточенная, как завершение шприца. Уже влита ядовитая ампула. Бьет в небо крохотный фонтанчик пузырьков. Подставлена исколотая, в перекрученных венах рука. Красный резиновый шланг врезался в дряблую кожу. В черно-синюю вену вонзается острие, медленно втекает желтоватый раствор. На измученном, изможденном лице наркомана, в голубых белках, как луна, восходит безумие. Огромное, волосатое, с красными губами, розовыми влажными клыками хохочет лицо Сванидзе»²³. Будучи атрибутом свидетеля, взгляд одно-

¹⁹ Ср. также активное раскручивание в романе важнейшего для политического дискурса конца 1990-х концепта «семьи». Об этом Орлова Г. Семья президента: призрак родства в российской политике 1990-х годов / Семейные узы: модели для сборки. В 2-х тт. Т.2. С. 297-323.

²⁰ Проханов А. Господин Гексоген. С. 79.

²¹ Об этом ср. Романова О. Проханов и пустота. <http://www.polit.ru/culture/2006/11/02/prohanov.html>. Характерным в этом смысле представляется стилистика иллюстраций в газете *Завтра*, в частности, специфический жанр «эпической карикатуры», часто встречающийся на первой странице издания.

²² Проханов А. Господин Гексоген. С. 79.

²³ Там же. С. 44 сл.

временно играет существенную роль в гротескных преобразованиях реальности, наполняющих текст романа. «Своим ясновидящим взором Белосельцев обнаружил, что под тканью дорогого костюма тело аналитика лишено сосков, пупка, гениталий. Не имеет волосяного покрова. На нем отсутствует живая человеческая кожа. Все оно помещено в плотный черный чехол, как мобильный телефон, с зашнурованными жесткими швами, проходящими вдоль рук и ног, по ребрам и паху, охватывая промежность и поднимаясь вверх, по спине»²⁴.

Гротескный характер, приобретаемый этой медиареальностью в изображении Проханова, «перекрывает» описания «действительных» ужасов (описание театра военных действий в Чечне, рассказ беженки и т.п.), которые таким образом выполняют лишь «орнаментальную» функцию. О.Тимофеева дает этому следующую психоаналитическую интерпретацию: «Характерно, что он (Белосельцев – Б.С.) наблюдает с безопасного расстояния, и катастрофическое зрелище, как правило, завораживает его, гипнотизирует. Что касается этих описаний, автор предоставляет их в изобилии, явно смакуя. Острота, мгновенность картинки, ее невыносимость выдают авторское наслаждение, провоцируют читательское наслаждение, обнажают наслаждение героя. Не смертью, не кровью, но – зрелищем возвышенного»²⁵. Выражением этого гипостазирования медиареальности можно считать и то, что медийные технологии изображаются как в полном смысле магическое средство²⁶. Фантазмагоричность атмосферы происходящего усиливается сентиментальными воспоминаниями и грезами героя, в которые он постоянно впадает.

Понятно, что в этой ситуации возможности какой-либо рефлексии – будь-то идеологическая или этическая – сведены к минимуму. Хотя Проханов говорит о походах Белосельцева к «красному смыслу» и «белому смыслу», однако никакого столкновения разных идеологических позиций в этом «патриотическом» романе по сути не происходит. Несмотря на обилие обличений и (само)разоблачений ничего не только позитивного, но и определенного в ценностном плане возникнуть не может. Белосельцев, конечно, предпринимает слабые попытки этической оценки действий своих товарищей, для которых цель оправдывает средства, однако, как уже было сказано, эти попытки не приводят его к поступку. Показательно, что антисемитизм и ксенофобия не вырастают в отчетливую идеологическую программу. Эти дискурсы, конечно, приобретают реальность, возникая в сознании, взгляде и внутренней речи главного героя, однако в то же время они, что называется, «на голубом глазу» могут вкладываться в уста и негативным персона-

---

²⁴ Там же. С. 118.

²⁵ Тимофеева О. Сон о горящей Родине. С. 205. Ср. Золотоносов М. Операция «Проханов». <http://www.geksogen.ru/r105.html>; Туркина О., Мазин В. Гексоген господина Проханова // Критическая масса. 2002. №1. С. 26-30. Здесь напрашиваются аналогии с воздействием блокбастера. Ср. об этом: Подорога В. Блокбастер: поэтика разрушения // Фантастическое кино: эпизод первый. М., 2006. С. 276.

²⁶ Ср. описания электронной Хазарии или телевизионной империи Астроса – см. Проханов А. Господин Гексоген. С. 107-111, 160-173.

жам. Так, ярким антисемитом обнаруживает себя Копейко, один из участников заговора Суахили и телохранитель олигарха Зарецкого в тот момент, когда его еврейский покровитель оказывается низвержен²⁷. В плане идеологической неопределенности и зависимости от массмедиа показательны и то, что на уровне фразеологии «патриотические» высказывания очень часто строятся путем присвоения производимых доминирующим либеральным дискурсом негативных определений. Так, наблюдая кавказцев на рынке, Белосельцев, как пишет автор, испытывает по отношению к этим людям «чувство поруганного шовинизма»²⁸. Вместе с тем, нельзя, конечно, не отметить, что и антисемитизм и ксенофобия закрепляются фоновыми определениями ряда важных эпизодов повествования, что является оборотной стороной его этической непроработанности²⁹.

В отсутствии как «испытующего действия», определяющего для читателя идентичность героя боевика, так и идеологической рефлексии идентичность Белосельцева определяется его отношением к фигуре власти. Влекомый неподвластной ему политической интригой, Белосельцев как бы указывает на «настоящего» героя истории – Избранника, приход которого к власти составляет сюжетный стержень всех описанных в романе «операций». Избранник представляет собой своего рода alter ego Белосельцева: в описаниях постоянно подчеркивается его незаметность, загадочность и, таким образом, иноприродность окружающим. «Белосельцев старался поймать у Избранника слабый жест, невзначай произнесенное слово, чтобы угадать, каким будет будущее. Он был счастлив, что Избранник, находясь среди врагов, ничем не обнаружил себя. Оставался ими неузнан. Был укутан невидимым облаком, сберегавшим его. Если бы пугливые зрачки Премьера, или змеиные, упрятанные в костяной череп стекляшки Администратора, или подозрительно и остро взирающие глазки Зарецкого, или волоокый мутноватый взгляд Дочери, или пронзительный взор Художника разгадали его, ему грозила бы немедленная гибель. Белосельцев восхищался его выдержкой и спокойствием. Перестал на него смотреть, чтобы своим пристальным вниманием не раскрыть его. И снова исподволь взглядывал, стараясь постигнуть суть человека, которому уже начал служить, принес присягу на верность и за которого, если потребуется, добровольно погибнет»³⁰. Однако, в конце романа этот персонаж загадочным образом исчезает, оставляя после себя цветные брызги и пустоту.

В качестве альтернативы тотальному медиаспектаклю в романе выведен «народный пророк» Николай Николаевич. Он и его окружение рисуются в романе оазисом человечности. По-иному звучат и «бессвязные речи» народного пророка

²⁷ О трансформациях антисемитизма у Проханова см.: Тимофеева О. Русский Рай. С. 360-367.

²⁸ Проханов А. Господин Гексоген. С. 167.

²⁹ Таковы, например, описания телевизионной империи олигарха Астроса или сотрудничество олигархов с чеченцами.

³⁰ См. Проханов А. Господин Гексоген. С. 77. Ср. также С. 279. Весьма показательным является момент, когда Белосельцев «подчиняясь слепому инстинкту» заслоняет Избранника от магической порчи, которую ему пытается нанести колдун - подручный телемагната Астроса. См. С. 173

– нарочито фольклорные, наполненные характерными прибаутками и, вместе с тем, приобретающими мистический характер символами и образами («Русский рай», «Змей», «Сад» и т.п.). Однако, инаковость этих речей лишь стилистическая – Николай Николаевич, также как и участники проекта Суахили, предсказывает приход Избранника, подтверждая тем основную канву романного сюжета.

Модель (само)идентификации героя и читателя, которую несет в себе роман Проханова, может быть охарактеризована при помощи понятия «советское». Прежде всего, «советское» есть образ целостности, с которой жаждет идентифицироваться Белосельцев. Эта целостность предъясняется в двух формах: во-первых, как пантеон советских героев и символов и, во-вторых, как ряд картин, описывающих величие русской (=имперской) государственности, соединенное с технологической мощью³¹. Что касается советского пантеона, то он не только воспроизводится в достаточно широком объеме, включая фигур не только первого, но и второго ряда, но и пополняется новыми именами. Воспроизводство этого пантеона как бы зеркально отражает механизм формирования советского идеологического языка. Как пронизательно указывает Г. Орлова в своем анализе риторических стратегий газеты *Завтра*: «Техника реставрации (советского – Б.С.) опирается на археологию идеологии – извлечение на поверхность латентных религиозных кодов, составляющих ядро советских символов. Скрытые метафоры языка Совдепии у левых радикалов обретают пронзительность реального... «храм под открытым небом – Красная площадь», «алтарь веры – Мавзолей», «талисман загадочной красной цивилизации – тело Ленина», декларируемая тождественность Нового и ленинских заветов, etc.... Обратная инверсия – возвращение коммунистическим ориентирам и ценностям первоначального христианского звучания – позволяет описывать символистический (так в тексте – Б.С.) капитал большевизма в понятиях вечного, непреходящего, мистического»³². «Когда змей русский камень сдвинет, тогда и мир завалится... Не хочу быть другим, да Бог велит... Русский камень больно тяжел... Из него Голгофа сложена... Христос под русским камнем лежит, товарищ Сталин, Александр Матросов... Русский камень только детям под силу... Все русские люди - дети, а кто для них мать, это сам пойми... Стрела мира летит против солнца, а русская стрела летит на солнце... Река мира течет под гору, а русская река течет в гору... Нам Бог землю дал, чтобы мы ее заново слепили руками и поцелуями... Христос в Россию придет и каждого в глаза поцелует, тогда и рай увидим... Красную Пресню знаешь?.. Там генерал Макашов... Ему верь... Он на жидов поднялся, за это его и убили...»³³. Характерно, что советское при этом часто заслоняет собой собственно религиоз-

³¹ Все это в наибольшей степени отсылает к идеологическим конструкциям позднесталинского периода. О литературной генеалогии Проханова см: Талант русской мечты. Александр Проханов в беседе с Василием Кожемяко // Советская Россия. 13.2.2003. С. 8-13.

³² Орлова Г. Левые и их демоны: отрицательная политическая сакрализация как дискурсивная стратегия газеты *Завтра* // Солнечное сплетение. № 24-25. С. 302-318.

³³ Ср. Проханов А. Господин Гексоген. С. 104.

ное. В качестве примера здесь можно указать на противопоставление святых могил А. Матросова и З. Космодемьянской неподлинным захоронениям царских останков и на сетования Белосельцева по поводу переименования и возвращения улице Димитрова ее прежнего названия – Якиманка, данного в честь родителей Богородицы свв. Иоакима и Анны³⁴.

Символы «советского» имеют разную степень сакрализации. В наибольшей степени сакрализовано то, что связано с главным событием эпохи – победой в Великой отечественной войне³⁵. Так, если Сталин, Жуков, герои войны, изображаются совершенно канонически, то, например, Ленин оказывается уже незащищенным от эстетического эксперимента. «Народный пророк» говорит о нем как мифологическом защитнике Москвы от Змея, однако Белосельцев, отправляясь в Мавзолей на поиски «красного смысла», обнаруживает там разложившиеся останки вождя. Тело Ленина, подробно описываемое Прохановым в присущей ему натуралистической манере, символизирует для Белосельцева ностальгическое воспоминание о безвозвратно ушедшей великой эпохе. «Белосельцев понимал, что необратимо завершилась огромная эпоха, отделившаяся от остальной истории, как протуберанец солнца. И в этой завершенной эпохе кончился он сам, Белосельцев, в самых сильных, лучших своих проявлениях. И его любовь, и служение, и высший смысл бытия сгорели в этом таинственном протуберанце, излетевшем из потаенных глубин Мироздания, воплощенном в человеке, чья мертвая отвратительная плоть повисла над эмалированной ванной, продавливая скрученные нечистые полотенца»³⁶. И уж тем более из этого канона в какой-то момент могут быть исключены, например, не проходящие «по пятому пункту» Р. Землячка, Р. Люксембург, Л. Каганович и другие. Эстетическая часть патриотического канона выглядит еще более неоднородной: наряду с Пушкиным и Толстым в нем есть место не только Цандеру, но также Лентулову, Петрову-Водкину, Гончаровой и Серебряковой³⁷.

Не менее значимым способом указать на величие советского становятся речи губителей России, представителей темных сил, озабоченных разрушением и разграблением страны. Важная функция этих речей заключается в том, чтобы обозначить символическое изобилие, подобно тому материальному изобилию, которое буквально потребляется представителями бомонда, к которому читатель прибегает благодаря подробным прохановским описаниям. Невозможность в рамках романной реальности идентифицироваться иначе как через дискурс власти, делает неизбежным отмеченное О. Тимофеевой удовольствие от катастрофы, пе-

---

³⁴ Там же. С. 314, 93-94. Недооценку религиозного ставят на вид автору некоторые патриотические критики. См. напр.: Орлов Г. Тайная вера // Завтра. 2001. № 48. <http://www.zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/01/417/74.html>.

³⁵ См. об этом Гудков Л. Победа в войне: к социологии одного национального символа / Гудков Л. Негативная идентичность: статьи 1997-2002 годов. М., 2004. С. 20–58.

³⁶ См. Проханов А. Господин Гексоген. С. 319.

³⁷ Там же. С. 36.

реживание целостности в *открывающихся* слуху, а также зрению, Белосельцева описаниях ее разрушения.

С другой стороны, мир политики и медиа, к которому причастны авторы этих описаний, подвергаются активной негативной сакрализации. Как пишет Г. Орлова, «Нисходящее структурирование инстанций зла, суеверное избегание подлинных имен, обращение к невербализованным страхам, риторика от Иоанна – вот лишь некоторые тактические приемы насыщения инфернальных политических метафор реальностью. Если в советской версии демонизма политические агенты получали метафизический статус, то современный леворадикальный вариант отрицательной сакрализации позволяет превратить метафизические сущности в политических агентов»³⁸. Гротескные образы публичных людей (примеры их мы уже приводили выше) полны реализованных метафор низости и инфернальности, которая часто репрезентируется образами рептилий, земноводных и т.д. Причем в данном случае – в отличие от собственно советского канона политической демонологии – инфернальность не требует реалистической аргументации³⁹, поскольку отсылает к метафизическому злу и мировой закулисе, которые в том изолированном пространстве, каким является в книге Россия не могут быть однозначно и точно идентифицированы. Статус той или иной инстанции мирового зла в авторской речи или речи персонажа будет определяться дискурсивной спецификой момента.

Справедливости ради нужно отметить, что в романе представлено также и ностальгически переживаемое и окрашенное в экзотические тона персональное советское прошлое разведчика Белосельцева, к которому он постоянно возвращается. В этом «былом», связанном с участием героя в локальных конфликтах на других континентах, присутствуют любовь, противостояние американскому разведчику Маквиллену, и даже чувство вины, которое в конечном итоге эксплуатируется мобилизующими Белосельцева соратниками по КГБ.

Успех прохановского романа был возможен только при условии изменения соотношения «массового» и «интеллектуального», «правого» и «левого». Роман вызвал полярные оценки критиков, причем полемика происходила не только между «патриотами» и «либералами», но – не менее интенсивно – внутри «либерального» и «патриотического» лагерей. Не только многие либеральные, но также и целый ряд патриотических критиков не приняли прохановского романа⁴⁰. Характерным выражением этой позиции можно считать рецензию критика и редактора отдела культуры в журнале *Москва* К. Кокшеневой, представляющую образец националистической критики *Господина Гексогена*. Прежде всего, негативной характеристики удостоивается успех романа: «...бестселлер не может быть

³⁸ Орлова Г. Левые и их демоны.

³⁹ См. там же.

⁴⁰ Об оценках патриотических критиков см.: Данилкин Л. Человек с яйцом. С. 574-579; Огрызко В. Человек-оркестр // Литературная Россия. 18.02.2005. <http://www.litrossia.ru/archive/135/person/3269.php>.

национальным... присутствие рядом с «бестселлером» определения «национальный» сильно пахнет сливанием в него некоего особого безусловно денационализованного смысла»⁴¹. Причины этого успеха, который в ее глазах становится свидетельством неудачи романа как явления патриотической литературы, Кокшенева видит в слишком очевидной зависимости содержания от сиюминутности журналистской деятельности Проханова. Отражением этого в литературной конструкции романа можно считать две взаимосвязанные ее особенности: отсутствие дистанции по отношению к реальности и невыраженность позитивной позиции. Реальность романа, которую критик сравнивает с газовой камерой, характеризуется следующими определениями – «уже известно из газет», «неинтересно», «неприятно» и, одновременно, «соблазнительно»⁴². Невозможность обрести в этой навязчивой и, вместе с тем, ускользающей реальности основания для веры в Россию выражается не только в карикатурном искажении реальных политических позиций, но и в том, что, с одной стороны, в романе отсутствует выражение «органичного, самосозидательного, творческого начала и неуправляемого народного инстинкта», а с другой, изображенные в романе разрушители России – «сплошь русские»⁴³. В этом смысле отторжение национально ориентированного критика вызывают «модные» конспирологические и имперские основания идеологии романа, тогда как, например, проблематика антисемитизма остается совершенно вне ее поля зрения⁴⁴.

Те критики (как «правого», так и «либерального» толка), кто приветствовал появление романа и в противовес Кокшеневой превозносили его как продолжение традиций русской литературной классики⁴⁵, вынуждены объяснить своему читателю двусмысленность и литературной конструкции романа и его дальнейшей раскрутки. Редактор близкой к *Завтра* газеты *День литературы* В. Бондаренко трактует выход романа в издательстве «Ad Marginem» как «неожиданный прорыв красных – не напрямую, в лоб, где их ждали, а через гнилой Сиваш, по горло в мутной воде. Естественно, пришлось похлепать и гнилой водички при этом. Зловещий череп на обложке – это продуманная отместка за прорыв»⁴⁶. Условием «прохановского прорыва» для Бондаренко является то, что Проханов про-

⁴¹ Кокшенева К. Я уцелел, но без всего. <http://portal-slovo.ru/philology/37274.php>.

⁴² На этом основании критик объявляет, в частности, несостоятельными любые утверждения о преемственности по отношению к русской литературной классике и, с другой стороны, упрекает в сближении с модернистской эстетикой.

⁴³ Там же. Понятно, что при этом горизонт оценки задается патриотическим литературным контекстом – роман Проханова сопоставляется с произведениями подлинно-патриотических авторов, таких, например, как З. Прокопьева и В. Николаев.

⁴⁴ Симптоматична в этом отношении заключительная фраза цитируемой рецензии: «Карта убита! – смыкая уста, политкорректно (sic! – Б.С.) растворив реальность в фантомно-виртуальном финале романа, говорит писатель. Нет, – отвечаем мы, – не все идеи принадлежат в этом мире спецслужбам, не только синим лучом телеэкрана пронзена душа соотечественников».

⁴⁵ Так В. Бондаренко ставил его в один ряд с *Молодой гвардией* и *Как закалялась сталь*.

⁴⁶ Бондаренко В. Прохановский прорыв // Советская Россия. 27.04.2002. С. 3.

явил себя не только как политик и репортер, но как художник и создает патриотическое произведение не в форме «простых историй о народном горе» или «державных детективов и фантастики», но – восходя до «высокой литературы» – в форме пророческого метафорического романа. Вместе с тем позитивный message *Господина Гексогена* по-прежнему прост: «Весь этот парад метафор, весь bestiary политических чудовищ, весь набор ярких конспирологических и детективных схем, все метания и рефлексии страдающего героя сводятся в результате к простому лозунгу, как оказалось, не отмененному за все эти годы: служи своему государству. И ты окажешься прав... Всех, кто не бросил Родину в лихую годину... роман вдохновит на желание жить и побеждать». Интересно, что усиливающий ощущение вымороченности происходящего мотив повтора, подчеркнутый в структуре романа разбиением действия на операции, также получает позитивную интерпретацию: «Один миф сменяется другим и в книге и в самой жизни, но России суждено жить и дальше... мистерия русской жизни продолжается». «Невозможность проснуться» оказывается здесь залогом высшей истины⁴⁷. Подобный message считывается из романа и заявившем о своем переходе в лагерь «патриотов» критиком Д. Ольшанским с его скандально известной формулировкой задач современной литературы: «Упромысливать, гнобить и не петюкать» «Упромысливать – всячески содействовать распространению душеполезных, направленных против либеральной гордыни идей. Гнобить – обращать свое строгое внимание на явления, противные писательской и человеческой совести. Не петюкать – с достоинством принимать власть в разных ее формах и проявлениях, не упорствовать в злом индивидуализме. Иными словами, понимать порядок»⁴⁸. В интерпретациях романа «интеллектуалами» главным доводом в обосновании его значимости и легитимации его успеха является эстетическое своеобразие *Господина Гексогена*. Однако «энергетика» – наиболее популярная квалификация «художественности» романа, выделяющая его на фоне «скучной», «вялой» и «серой» либеральной литературы, – идентифицируется по-разному⁴⁹. На одном полюсе здесь – авангардная литература как западная «левая» психоделическая проза Э. Берроуза и Х. Томпсона, так и отечественный постмодернизм в лице В. Со рокина, В. Пелевина и П. Пепперштейна⁵⁰. С другой стороны, некоторые интерпретаторы утверждают, что ценность романа – в отрицании какой бы то ни было эстетики, намеренном дурновкусии, нарушении моральных и эстетических норм,

⁴⁷ Там же. С. 4. Впрочем, есть и трактовки романа как антиэтатистского произведения. См. Фёфелов А. Государственный симптом // *Завтра*. 2010. № 48. <http://www.zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/01/417/76.html>.

⁴⁸ См. Ольшанский Д. Как я стал черносотенцем, или упромысливать, гнобить и не петюкать // *Exlibris* НГ. 11.04.2002. http://exlibris.ng.ru/lit/2002-04-11/2_black.html. В качестве комментария к замечаниям некоторых критиков (напр. М. Золотоносовым, В. Курицыным, С. Чуприниным) об исходном критическом пафосе романа, направленном на власть и медиамагнатов, отметим, что в течении весны 2001 года – во время написания романа – газета *Завтра* активно поддерживала борьбу власти против НТВ.

⁴⁹ См., напр., К. Кокшенева.

⁵⁰ См. напр. Данилкин Л. Товарищ Данте. <http://geksogen.ru/r11.html>.

которое и отсылает за пределы литературы – к реальности⁵¹. Соответственно, особая «реалистичность» романа может не соотноситься ни с описываемым в нем событийным рядом, ни с каким-либо политико-идеологическим посланием. Вот как пишет об этом критик И. Зотов: «политические убеждения автора волнуют лишь постольку, поскольку они портят эстетику романа... Прохановские тексты являются фактами русского языка, а не политическими прокламациями, которые равны хоть на китайском, хоть на суахили, хоть на русском. Зато у кого еще из нынешних "титанов письма" описание реальности развивается из "внутреннего образа" – литературной техники, практически исчезнувшей из русской словесности после Ломоносова и Радищева?!»⁵². Эта «реальность» опознается – как «опыт», «чувство истории», связанные с «советским» и его – выражаясь в духе Р. Барта – «имперскостью». Л. Данилкин описывал значение романа в связи с открытием «советского» как «имперского»: «Может, СССР и был на 100% процентов империей зла и дурного вкуса, но «советское» не было на 100 процентов марзматиическим, как это принято сейчас представлять; в империи и связанном с ней дискурсе была страсть, мощь и воля к победе. Никто, кроме Проханова, не зафиксировал это ракетно-ядерное советское дурновкусие лингвистически адекватно и не смог доставить его в 2001 год живьем, кусающимся. Право слово, оно достойно экспонирования в музее современного искусства»⁵³. Эта реабилитация «советского» ложится в основу литературной биографии Проханова и задает направление для нового литературного проекта издательства «Ad Marginem» – серии «Атлантида», в которой публикуются образцы массовой литературы сталинской эпохи.

Таким образом, история успеха *Господина Гексогена* симптоматична своей двусмысленностью – как литературной, так и политической. Это, наверное, первый «патриотический» роман, который получил свою легитимность в контексте постмодернистской литературы. Интересно, что в недавнем интервью Проханов сам включил постмодернистских авторов в свою генеалогию. «Заслуга наших постмодернистов», – говорит он, – «прежде всего Сорокина и Пелевина, состоит именно в том, что они сумели на рассыпающуюся вселенную набросить сеть. Они не добились синтеза, но они не дали осколкам отлететь. Они сумели собрать эти осколки и обломки в своих текстах. На этом основании следующему поколению художников и мыслителей можно работать – практически ничего не потеряно»⁵⁴. Разумеется, в творчестве Проханова нет ничего от постмодернистской рефлексивности, поскольку последняя утверждает себя как экспериментальная и

---

⁵¹ См. Культура движется взрывами. Беседа А. Смирнова с А. Ивановым и М. Котоминым // Завтра. Май-июнь 2002. <http://www.zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/02/445/82.html>.

⁵² Зотов И. «С левой. и с правой»: левая и правая критика в ее отношении к «Ex libris'y» и *гексогену* // Ex libris. 21.2.2002. http://www.ng.ru/exlibris/2002-02-21/10_left_right.html.

⁵³ См. напр. Данилкин Л. Товарищ Данте // Афиша. 18.-31.3.2002. <http://geksogen.ru/r11.html>.

⁵⁴ См. Проханов А. Господь заслал меня в этот мир как разведчика. <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Gospod-zaslal-menya-v-etot-mir-kak-razvedchika>.

обеспечивающая возможность контроля над формированием идеологических позиций. Радикализация литературы, выражением которой стал успех романа Проханова, оказалась симуляцией ее критической функции⁵⁵. Вместо рефлексивной позиции в отношении формулы массового жанра, телевизионной «картинки», ностальгии по советскому происходит их сакрализация и метафоризация. Выражением деструкции повествовательной структуры становится метафоричность *Господина Гексогена*, обнаруживающая зависимость литературы от телевидения (узнавание медиаперсон и клиповая быстрота метафорических превращений, в частности, и создают психоделический эффект) и фиксирующая читателя в пассивной позиции созерцателя постоянно вскрывающейся изнанки происходящего. Этот синдром заложника сублимируется в попытках самоидентификации через поиск врага⁵⁶. Показательно, что создатель романа успешно нашел свою нишу в том самом публичном пространстве, которое так зло в нем описывается. В этом смысле невнятность образа главного героя со временем все больше компенсируется яркостью самого Проханова, претендующего в качестве медиаперсоны на выполнение функции социального критика. При этом как раз достаточно очевидно, что практически это выражается в сближении с идеологическим мейнстримом⁵⁷.

Готовность принять в рамках литературы дискурс, производимый газетой *Завтра*, можно рассматривать как реакцию на характерное для культурной ситуации 1990-х с ее феноменом «стеба» ироническое снижение значимых символов. Стеб становится стратегией претендующих на лидерство групп интеллектуалов в ситуации интенсивного развития масскоммуникативного пространства⁵⁸. Интерес к роману Проханова связан с попыткой дистанцироваться от некой либеральной конъюнктуры – в одних случаях литературной (как, напр., у И. Зотова или Л. Пирогова), в других политической (напр., у Д. Ольшанского или А. Иванова). Функция шовинистического дискурса в романе может быть оценена, на наш взгляд, несколько иначе по сравнению с его функцией в газетных передовицах, где он фигурирует в рамках «прямого выражения» народного гнева⁵⁹. Те или иные неполиткорректные высказывания не имеют здесь программного характера, но стано-

---

⁵⁵ Подробные рассуждения об этом см.: Кукулин И. Революция облезлых драконов: ультраправая идея как имитация нонконформизма. <http://www.polit.ru/article/2007/04/08/kukproh/>.

⁵⁶ Ср. психоаналитическую интерпретацию этого сюжета у М. Рыклина. Рыклин М. Структура травмы // Рыклин М. *Время диагноза* М., 2003. С. 287-309.

⁵⁷ В этом смысле траекторию Проханова обычно соотносят с траекторией другого правого интеллектуала А. Дугина. См. напр. Уmland А. Патологические тенденции в русском неоевразийстве: о значении взлета А. Дугина для интерпретации общественно-политической жизни в современной России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. Т. 6. № 2.

⁵⁸ См. об этом: Дубин Б. Кружковый стеб и массовые коммуникации: к социологии культурного перехода // Дубин Б. *Слово – письмо – литература*. М., 2001 С. 163-175.

⁵⁹ В этом смысле проблематичным становится утверждение некоторых критиков (А. Гаврилов, И. Зотов и др.) о том, что «автор романа верит в свои идеи».

вятся выражением своего рода «нового реализма» и «новой подлинности», а «почвенность», таким образом, характеристикой не только политической, но и эстетической. Их фоновым характером задается своеобразный тип «нашей», «нерефлексивной», «аутентичной» социальности⁶⁰. Не случайным кажется, что в контексте продвижения романа в ряде критических рецензий ярко выразилась тенденция отказа от литературной рефлексии – примером здесь может служить концепция «постинтеллектуализма» Л. Пирогова. Кроме того, «неполиткорректная жизненность» эстетики *Господина Гексогена*, по мнению некоторых сочувствующих ему критиков, связывает его – «поверх» либерального литпроцесса – со столь же неполиткорректной традицией «настоящей», прежде всего, русской, литературы⁶¹.

Отмеченные особенности романа и его рецепции требуют дальнейшей интерпретации в контексте социальных и культурных изменений конца 1990-х – начала 2000-х. Однако здесь мы можем осуществить эту контекстуализацию лишь в самом обобщенном виде. Очевидно, что *Господин Гексоген* может рассматриваться как своего рода симптом, отражающий характерные и неоднократно отмечавшиеся аналитиками особенности общественного сознания и политической культуры 2000-х, такие как сакрализация власти и сосредоточение на фигуре лидера, симулятивность и медиатизация политики, дефицит публичных дебатов и социально-критической рефлексии, смутность и неотчетливость политических оппозиций и стремление к конструированию целостной идеологии, оборачивающееся эклектичным сочетанием готовых идеологем самого разного происхождения⁶². Особое место в связи с этим имеет проблематика «советского», которое оказывается в этой ситуации важнейшим идеологическим ресурсом и ориентиром. В меньшей степени история успеха романа Проханова соотносится с целым рядом важных изменений, произошедших в конце 1990-х – начале 2000-х в культуре в целом и литературной культуре в частности. Речь идет и об углубляющемся кризисе прежних литературных иерархий (которому сопутствовало изменение политических диспозиций) и увеличивающейся зависимости литературы от mass-media, растущем значении PR-технологий и института премий, повышении эффективности стратегии скандала, способствующем вторжению маргина-

---

⁶⁰ Ср. в этом отношении напр. такие скандальные явления начала 2000-х годов как фильм *Брат-2* А. Балабанова или появление в России «реального телевидения».

⁶¹ См. напр. Курицын В. Гексоген без ссылок // Русский журнал. 10.02.2002. <http://old.russ.ru/krug/news/20020610.html>; Данилкин Л. Товарищ Данте. С точки зрения описываемой стратегии дистанцирования симптоматично, что прохановский «фельетонный империализм» возвращает вытесненное «советское» («правое», «консервативное» и т.п. – все эти определения в данном случае неизбежно условны) как сочетание сакрализованного и табуированного.

⁶² Это утверждение можно было бы подкрепить ссылкой на внушительный список работ, из которого мы укажем здесь лишь одну, которая вполне отчетливо подтверждает высказанный тезис: Каспэ И., Каспэ С. Поле битвы - страна. Nation-building и наши нэйшнбилдеры // Неприкосновенный запас. 2006. № 6(50). С. 15-33.

лов и т.д.⁶³. Намеченная выше логика анализа делает, как представляется, достаточно очевидной необходимость более внимательно отнестись не только к характеру и рамкам легитимации радикальных дискурсов, но и увидеть их в контексте более широких процессов политизации литературы, связанных со спецификой коммуникации, устройством воспроизводства традиции, поисками языка описания общности и реальности.

---

⁶³ Подробнее см.: Дубин Б.В. Обживание распада, или рутинизация как прием // Его же. Интеллектуальные группы и символические ресурсы. М., 2004. С. 116-133. Отдельного анализа требует вопрос о соотношении прохановского романа с консервативным поворотом в массовой литературе. Ср. напр. включение Прохановского романа в генеалогию современной патриотической фантастики: Володихин Д. Новая почва // Русский обозреватель. 23.11.2008. <http://www.rus-obr.ru/cult/1250>. Ср. также Володихин Д. Война сценариев. <http://www.apn.ru/publications/article1596.htm>.